

МУЗЫКАЛЬНЫЕ КЛАДОВЫЕ СПЕЦХРАНА: Н.А. ЕЛЕНЕВ – ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ

О. И. ФИЛАТОВА

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

Данная публикация посвящена актуальной исторической проблеме документальной реконструкции «культуры зарубежья». Некоторые архивные документы о научной деятельности «русской эмиграции» начинают медленно приоткрываться только в пост-советский период; парадоксально, но факт: в закрытых архивных фондах (так называемый «спецхран») обнаруживаются и музыкальные кладовые. Н.А. Еленев (1894–1967) – один из представителей истории культуры «русского зарубежья» Чехословакии. В статье исследуются: его Отзыв на Устав (1936) Русского Исторического Общества в Праге; иные научные, историко-художественные и литературные работы ученого; его рассказ (1935), посвященный знаковому событию музыкальной истории – приезду В.А. Моцарта в Прагу (1787).

Ключевые слова: история Чехии, музыкальная Прага, «культура зарубежья», Русское Историческое Общество ЧСР, рассказ Н.А. Еленева о В.А. Моцарте.

В дилемме противопоставления – отчуждения или родства – заграничной культуры русского (не по этносу, но по гражданству) происхождения возобладал здравый смысл и признание исторических реалий многообразной картины мира, обоснованной широтой понимания и глубиной постижения сложности самой жизни, обычно не оставляющей места для спокойствия собственного течения. Формирование научного русла исследований, посвященных дефинированной истории культуры «русского зарубежья», развернулось в нашей стране в девяностые годы прошлого столетия (например, на кафедре теории и истории культуры Гуманитарного центра¹ Российской академии управления²), развиваясь далее в более благоприятных условиях, которые ознаменованы, в частности, созданием в 1995 г. Библиотеки-Фонда «Русское Зарубежье», строительством специализированного помещения к 2005 г. и, в 2009 г., приданием сей институции статуса музея.

Диссертационный массив отечественных работ по русскому зарубежью, практически отсутствующий (за вычетом краткого периода «политической оттепели» 60-х годов) до перестройки, лавинообразно усилился в постперестроечной социополитической ситуации, возвращая единое ментальное поле культуры в обобщении пространства ее исторического освещения и толкования, в перспективах профессионального осуществления издательских планов и учебных программ. Определенное место здесь отведено и (запоздалому, ибо невосполнимому) собиранию музыкальных проявлений бытия³ – всегда наиболее эфемерных, ускользающих в про-

¹ Дельвин С.Б. Становление и развитие культуры русского зарубежья (на материале жизни и творчества детей эмиграции первой волны): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1990. С.Б. Дельвин, устанавливая общее пространство национальной ментальности, отмечал [с. 1]: «Основой для представления русской культуры как единого целого является осознание того, что она определяется художественными традициями, общими духовными корнями, а также и прежде всего языком».

² Еременко Л.И. Русская эмиграция как социально-культурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. Анализируя особенности педагогической программы в новых исторических условиях, Л.И. Еременко [с. 17] называет Прагу «академической столицей» русской эмиграции: «Сохранение русского языка, духовных, религиозных традиций, наследия русской культуры было, таким образом, основой жизни русского зарубежья». Но эти устремления были справедливы именно для «первой волны» послереволюционной эмиграции, которая ожидала скорого возвращения на родину и готовились к достойной роли в своей России.

³ В числе стартовых исследований XXI столетия, составляющих, при комплексном рассмотрении, отдельные грани панорамного подхода, напрямую или косвенно восполняющие и музыкально-

щальных звуках, а потому и наиболее уязвимых⁴ в предпринимаемых реконструктивных начинаниях.

Защита единства культурального пространства национальной истории знаменует исследования, развернувшиеся в самых разных отраслях знания, но особенная их эффективность проявлена на междисциплинарной территории, которую смело репрезентируют не только сферы обще-событийного и хроникально-фактологического описания искусства, но и конкретные (и даже локальные) характеристики узко-специальных достижений (в области видов и форм, стилей и жанров, корпуса авторских текстов), высвечивающих как богатый сонм биографического ряда, новый пласт эпистолярного наследия, сверкающие перлы мемуаристики, так и позволяющих (и призывающих!) восполнить имеющиеся лакуны ментальных аспектов нации и прогнозических перспектив науки. Таким образом, высвечивается вся сложность *проблемы* краеведного процесса собирания музыкальной истории, что столь же очевидно в представлении насущной *актуальности* предстоящей работы, ибо человечество выживает, пока жива «музыка души» каждого человека.

Активизации традиционного поискового *метода* сопутствует начавшееся движение архивных материалов по пути предоставления большей доступности для исследования – весомую роль в том призваны сыграть процессы компьютеризации, однако особенно – пересмотр отдельных грифов секретности. Парадоксальность ситуации современного ученого (в частности, – историка зарубежной музыкальной культуры) состоит в том, что во вновь открываемых (рассекречиваемых) фондах оказываются, например, ... ноты. Антикварные издания и домашние альбомы, каллиграфические рукописи и нотные черновики, очевидно, не просто составляют, но и многосторонне, хотя и не напрямую, освещают заповедный тайник «загадочной русской души». В то же время, незвучащие для широкой аудитории, неизвестные для научной общественности, они пока еще ожидают своего полноценного открытия.

При отсутствии в советских словарях и справочниках даже самого термина «спецхран», сей печально-знаковый факт отечественной истории в отношении российских архивов уже напрямую свидетельствует о наличии музыкальных кладовых «спецхрана»! И там покоится не одна лишь «безмолвная» музыка – на истлевающих

исторические аспекты реконструкта культуры Центрально-Европейского региона, отметим нижеследующие: Гуревич А.Л. Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции: по материалам истории Русского студенческого движения: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Дубровина С.К. Национальное образование и воспитание детей и подростков в российском зарубежье (20–50-е годы XX века): дис. ... канд. пед. наук. Новгород, 2000; Зобков Ю.С. Музыкальный мир XX столетия: проблема диалога культур: на примере жизни и творчества С.А. Кусевицкого в эмиграции: дис. ... канд. культурол. наук. М., 2004; Марар О.И. История российской артистической эмиграции в славянских странах, 1918–1939 годы: Чехословакия, Югославия, Болгария: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000; Мурашева С.Н. Педагогическое наследие русской зарубежной диаспоры в период с 1919 по 1929 год. На примере Чехословакии, Болгарии, Королевства сербов, хорватов и словенцев: дис. ... канд. пед. наук. Архангельск, 2002; Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001; Прохоренко А.В. Социально-культурная парадигма общественной мысли русского зарубежья: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2001; Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1930): сравнительно-типологическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003; Сабурова Л.Н. Культурно-просветительские организации российской эмиграции в Чехословакии: 1920–1930-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Скворцова Э.В. Эколого-культурная миссия русской эмиграции первой «волны»: на примере деятельности представителей русской музыкальной культуры: дис. ... д-ра культурологии. М., 2003; Сурин А.В. Формирование и деятельность национальных образовательных центров в российском зарубежье: 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Толстой А.В. Русская художественная эмиграция в Европе, первая половина XX века: дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2002; Черных Ю.Н. Патриотическое воспитание в образовании Российского Зарубежья: дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2005.

⁴ К сожалению, историко-культурная специфика такова, что прерванная («развеянная», «расселенная», «выселенная», «вырезанная») традиция, лишившись корневой духовной подпитки и привычного ареала местообитания – конкретного локуса многовекового художественного развития региона, принуждена организовывать новое жизненное пространство вне естественных условий творчества (сочинения, исполнения, восприятия), что во временном континууме меняет ее до неузнаваемости (либо догматически консервирует).

страницах старинных изданий и рукописей, но и выдающиеся текстовые (а также редкие, уникальные и особо ценные иллюстративные – изобразительные и фотографические) материалы, работа с которыми – их обнаружение, озвучивание, публикация, пропаганда, критическая оценка и, тем самым, введение в научный оборот – составляют своего рода *сверхзадачу* для профессионала-энтузиаста.

Предпринятая публикация имеет свою *целью* отражение вклада исторической мысли русской (преимущественно европейской) эмиграции в характеристику чешской музыкальной культуры Нового времени. В этой связи, оказалось сформулировано фактическое триединство *задач*: поиск материалов означенной тематики (в рамках нововременной хронологии) в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ); ознакомление с личными и общественными фондами круга представителей исторической мысли культуры «русского зарубежья» в Чехии; обработка и описание обнаруженных свидетельств. Таким образом, *объектом* настоящей статьи стали материалы личного фонда Н.А. Еленева⁵, а *предметным* вектором выступил аналитический абрис взаимопроникновения и взаимообусловленности литературно-художественной, научно-исторической и музыкально-искусствоведческой сторон жизнедеятельности пражского представителя «русского зарубежья» как продолжателя отечественных традиций культуры.

В 2009 г. исполнилось 115 лет со дня рождения доктора философии (1943) и юриста, историка и публициста, искусствоведа и писателя, критика и переводчика, преподавателя русского языка и общественного деятеля Н.А. Еленева (1894-1967). Уроженец Екатеринославской губернии (село Лозовая-Павловка) Николай Артемьевич Еленев, после окончания Александровской гимназии в Ялте (1914), поступил на исторический факультет Московского университета, но, с 1915 г., он – офицер действующей армии, откуда в 1919 году судьба приводит его в Добровольческую армию, с которой вновь попадает в Крым, а в ноябре 1920 г., вместе с другими беженцами, эвакуируется в Константинополь.

Восстанавливая вехи судьбы Н.А. Еленева, означим четыре переломных ее этапа. Так, первый эмигрантский – Константинопольский – период жизни Николая Артемьевича уже характеризуется его активной деятельностью на ниве общественного спасения: в качестве секретаря Комиссии по организации бесплатного питания русских беженцев, созданной при Центральном Общественном Комитете (в его личном фонде сохранилась уникальная фотография⁶ того времени, на которой запечатлены члены Комиссии).

Второй – наиболее значимый период эмигрантский жизни Н.А. Еленева – Пражский. Только перебравшись в Чехословакию, Николай Артемьевич получил возможность окончить в 1925 г. философский (по другим сведениям – юридический) факультет Карлова университета. Одновременно продолжилась и его общественно-полезная деятельность: в частности, он входил в состав Правления⁷ столовой «Русского Очага» в Праге.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н. А. Еленев). Оп. 1. 109 ед. хр.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н. А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 3. Центральный Общественный Комитет (ЦОК) Константинополя объединял: Российское Общество Красного Креста, Союз Городов, Земский Союз, Санитарно-беженскую часть армии Врангеля и Американский Красный Крест. Запечатленные на ней (приблизительная датировка – 1920 год) означены рукою Николая Артемьевича /карандашом на оборотной стороне, слева направо/: сидящие – полковник Шишкин, Представитель Американского Красного Креста, Председатель Г.П. Штелевой, Бабенко, Н. Сомов, А.К. Равич; стоящие – М.С. Тимрот, В. Олив, Щербинин, Н.А. Еленев, Б.С. Юренев; сверху, черными чернилами, автографы – Бабенко, Н. Сомова, полковника Шишкина и Н.А. Еленева.

⁷ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н. А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 101. Л. 4. Запечатленные на фотографии 1932 года члены Правления столовой «Русского Очага» в Праге означены рукою Николая Артемьевича /карандашом на оборотной стороне, слева направо/: сидящие – Н.К. Модрах, П.И. Жестовский, Е.С. Федорова, Е.Н. Кист, А.З. Смирнова; стоящие – Н. Романовский, Г. Гордеев, Н.П. Пашковский, Н.А. Еленев, Михайлов, Е.Н. Нелединский.

Третий эмигрантский – Франко-американский – период в жизни Н.А. Еленева начался после окончания Второй мировой войны (с 1946 г.). Николай Артемьевич уехал во Францию, а потом и в США, где в Монтерее вел педагогическую работу в Лингвистическом институте защиты (Defense Language Institute).

Четвертый – Венский – период эмигрантской жизни Н.А. Еленева вновь протекал на европейской территории: не имея оснований возвращаться в социалистическую Чехословакию, он поселился в Австрии. Николай Артемьевич и умер в пути: из Европы (из Италии – Неаполя) в США.

Н.А. Еленев – необоснованно забытая фигура отечественной истории – стал видным представителем культуры «русского зарубежья» на чешской земле: самый успешный и плодоносный его творческий результат оказался развернутым именно здесь. Да и вся русская эмиграция Чехословакии в Первой Республике получила беспрецедентные возможности не просто для легализации, выживания и самосохранения, но – для развития, продолжения и плодоношения ветвей древа русской культуры на ниве европейской истории.

Решающую роль в реализации гуманного отношения к эмигрантам, в создании нормальных условий жизни, в организации плодотворных перспектив творческой деятельности, безусловно, сыграло отношение Правительства ЧСР и лично первого Президента независимой страны – философа, социолога, политика Томаша Гаррига Масарика (1850-1937). Воздаянием дани уважения и признанием действительной роли этой исторической личности выступает, в частности, и факт проведения в Москве международной конференции⁸, приуроченной к 150-летию его рождения, и факт издания на русском языке главного (и широко не известного) труда Масарика «Россия и Европа». В последние годы началось изучение⁹ спектра его интеллектуальных контактов и появились другие работы, продолжившие прерванные знаки почтения¹⁰ и восхищения из первой четверти XX столетия.

Еще в 1921 году Петр Бернгардович Струве (1870-1944) озвучил¹¹ намерение Белого движения обосновать в Праге «до падения большевиков центр русской зарубежной академической и учено-учебной жизни». Ю.Н. Емельянов в своей работе «Русская научная эмиграция в странах-реципиентах (Чехословакия и Югославия)» подчеркивает¹², что именно Прага стала «главным центром русской науки», что подарило древней чешской столице новые ее титулы: «Русский Оксфорд», или «Русские Афины».

В 1933 г. Н.А. Еленев был избран действительным членом Русского исторического общества (РИО) Праги¹³, также он состоял членом Союза русских писателей и

⁸ Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика: по материалам международной научной конференции / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 2005.

⁹ Фирсов Е.Ф. Томаш Масарик и Эрнест Радлов в научной и дружеской переписке / Пер. с нем. и публикация архивных материалов Е.Ф. Фирсова. М., 2005. (Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда / по архивам Чехии и России); Часть I).

¹⁰ Наш президент Фома Масарик: к 75-летию со дня рождения (7 марта 1850 – 7 марта 1925). Ужгород, б/г. (Народная библиотека; Часть 2).

¹¹ Российская научная эмиграция. Двадцать портретов. М., 2001. С. 336. Петр Бернгардович Струве (1870-1944) за период своей деятельности в ЧСР (1922-1924) являлся профессором Русского юридического факультета (РЮФ) в Праге, председателем Русской академической группы (РАГ) в Праге и председателем Русского института (РИ), состоял членом Союза русских писателей и журналистов (СРПиЖ) и Славянского института (СИ), находился в числе членов-учредителей Русского исторического общества (РИО) Праги.

¹² Емельянов Ю.Н. Чехословакия // Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920-1940-е годы) / Институт российской истории РАН. М., 2009. С. 11 (Серия «Страницы российской истории»).

¹³ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н.А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 81. 1 л. Письмо Правления Русского Исторического Общества (РИО) в Праге Н.А. Еленеву от 12.XI.1933 за № 30, подписанное Председателем Общества / публикуется впервые – О.Ф./, гласит: «Правление Русского Исторического Общества в Праге имеет честь известить Вас, что въ Обществе Собрании Общества 10 сего ноября Вы были избраны въ число дей-

журналистов (СРПиЖ) Чехословакии. Николай Артемьевич плодотворно работал над составлением «Словаря русских художников», поэтому собирал разносторонние подготовительные материалы – со многими художниками (или их оставшимися в живых родственниками) встречался и беседовал лично. В 1934 г. он передал все накопленные им документальные свидетельства для основания под Прагой (в Збраславе) Русского Культурного исторического музея (РКИМ)¹⁴ при Русском Свободном Университете (РСУ), где он также читал лекции.

Литературные работы, представленные в фонде Н.А. Еленева, разножанровы: цикл воспоминаний «Горестные тени» («Несчастный человек», «Проклятые дни», «Лихолетье», 1938-1939 [ед. хр. 11, 149 л.] и детская сказка «Белая башня» (1931 [ед. хр. 2, 58 л.]), а также фотографии иллюстраций к сказке, выполненные Е.Н. Орловой [ед. хр. 105, 5 л.]; публицистическая заметка «Фельетон Юрия Галича «Екатерина II и Павел I» (плагиат)» (1933 [ед. хр. 5, 1 л.]) и перевод с итальянского на русский басни Эрколе Луиджи Морзеелли (1882, Пезаро – 1921, Рим), помещенный под названием «Соревнование» в эмигрантском журнале (1934 [ед. хр. 5, 1 л.]).

Научно-исследовательские работы Н.А. Еленева раскрывают многоплановость художественно-искусствоведческой тематики и проблематики: посвященная национальной гордости чехов литературно-историческая фреска «Карлов мост в Праге» (как оттиск¹⁵ изданной главы неизданной монографии [ед. хр. 3, 11 л.] и загадочно-интригующее «Путешествие великой княгини Екатерины Павловны в Богемию в 1813 г.» (1936, рукопись вышедшей в Праге книги на чешском [ед. хр. 8, 168 л.]); коронная чешская слава – «Искусство барокко в Богемии и Выставка барочного искусства в Праге» (черновой автограф и оттиск публикации в «La revue française de Prague» за 15.XII.1938 [ед. хр. 9, 32 л.]) и впервые сфокусированная им ситуация «Дети в чешском искусстве» (черновой автограф по-французски, 1930-е годы [ед. хр. 12, 5 л.]); рецензия о выставке живописи «Русское искусство в Праге» (автограф 1930-е годы [ед. хр. 2, 2 л.]) и заключения о принадлежности кисти В.В. Переплетчикова представленной Д.П. Никитиным картины и кисти А.Е. Егорова картины, приписывавшейся В.А. Тропинину (от 10 и 30 июня 1931 г. [ед. хр. 1, 3 л.]). Творческие сведения об историко-художественных работах более подробно¹⁶ были изложены и в авторском докладе «Музыкальные кладовые спецхрана: Н.А. Еленев – историк искусства».

ствительных членов Общества. Председатель Общества Фатеев. За Секретаря Саханев». Фатеев Аркадий Николаевич (1872-1952) был председателем РИО с 1934 по 1938 год; Саханев Всеволод Васильевич (1885-1940) состоял членом РИО.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н. А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 70. 1 л. Русский Свободный Университет (РСУ) и его Музейная Комиссия посчитали «своим особо приятным долгом» выразить глубокоуважаемому Николаю Артемьевичу «глубокую, искреннюю признательность за Ваш новый, ценный дарь Музею <...>. Надеемся, что участие Ваше в строительстве нашего Музея продолжится и в будущем, и просим принять уверение в искреннем уважении и преданности». Благодарственное письмо за № 269 от 10 декабря 1935 г. (на гербовой бумаге; в левом верхнем углу – фотография музейного здания; здесь же приведен и адрес для корреспонденции: Museum Ruske university, Praha II, Krakovska 8); письмо подписали: за ректора – профессор В. Ильин, заведующий Музеем – В.Ф. Булгаков (последний секретарь Л.Н. Толстого, в 1948 г. собравший для возврата на историческую родину все сохраненные музейные фонды русской эмиграции), секретарь университета – Д. Иванцов.

¹⁵ Vědecké práce Ruské lidové university v Praze. Praha, 1931. Svazek IV. S. 342-360. Очерк Н.А. Еленева в 1931 году был издан на русском языке в 4-й Книге Сборника научных трудов Русского народного университета (РНУ) Праги под рубрикой «Изучение Чехословакии». В постперестроечной России отрывки данной публикации фрагментарно помещены в проекте Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино «Институт толерантности», осуществленном при поддержке Института «Открытое Общество» – Фонд Сороса (Россия): Еленев Н.А. Карлов мост в Праге // Прага. Русский взгляд: век восемнадцатый – век двадцать первый / Науч. ред. и вст. ст. С.В. Никольский, отв. ред. Ю.Г. Фридрихштейн, сост. и комм. Н.Л. Глазкова. М., 2003. С. 167-169.

¹⁶ Филатова О.И. Музыкальные кладовые спецхрана: Н.А. Еленев – историк искусства // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: материалы IV Международной научно-практической конференции (Тула – Куликово поле, 25-29 мая 2009 г.): в 3 томах / отв. ред. О.Г. Вронский. Тула, 2009. Том 2. С. 136-144. Доклад сопровождала электронная презентация, включающая /представляемые впервые – О.Ф./ двадцать два слайда: фотографии Николая Артемьевича

Музыкальные акценты жизнедеятельности Н.А. Еленева можно подчеркнуть, как минимум, на двух уровнях.

Первым – базовым уровнем видится звукопанорама самой окружающей действительности в красочном разнообразии ее художественных практик. Музыкальная наполненность пространства истории чешского центра европейской культуры сущностна, прежде всего, в многогранных характеристиках повседневной бытийности, что определило стойкие национальные приоритеты, явленные в формировании звуковой тонкости восприятия, особой творчески чуткой духовности, а также в повсеместном распространении музицирования среди всех слоев населения, что ментально зафиксировано меткой народной поговоркой: «каждый чех – музыкант».

Помимо весомой интротерриториальной региональной – (центрально-европейской) базы искусства музыки, со стороны чехов сформировалась ярко выраженная интертерриториальная устремленность музыкального искусства (в разновекторном направлении – Европа, Россия, Америка). Достоверно подтверждено сложение многовековой традиции «чешской музыкальной эмиграции», вершившей моду и стиль региона, образовавшей звуковой кодекс эпохи, слагая первый общедоступный и повсеместно распространившийся язык в области искусства звуков, ставший классическим. В знак признания реалий художественной истории, ранний этап становления «венского музыкального классицизма» Европы Нового времени означен как «чешский музыкальный предклассицизм», а имманентный потенциал «словаря» – лексикона возможностей венской классики столь велик, что даже современная популярная эстрадно-джазовая практика черпает здесь свои идеи и мелодии.

Второй – надстроечный (или сопутствующий) уровень уже, как ни странно, составила сама культура русской эмиграции. Предоставим здесь в качестве примера Устав Русского исторического общества (РИО) в Праге. В фонде Н.А. Еленева сохранились и Устав РИО 1925 г.⁴⁷, и Устав РИО 1936 г.⁴⁸,

(индивидуальные и в группах); ксерокопии документов, характеризующих Пражский период его жизни и деятельности в эмиграции (рабочие варианты Устава РИО в Праге 1925 и 1931 годов, его Отзыв о последней коллекции /фройляйн Хелен Цеппритц – О.Ф./, Штутгарт), принадлежавшего кисти Франца С. Штирбранда, что и было атрибутировано Еленевым. Н.А. Еленев выражал особую признательность директору Института имени королевы Екатерины Павловны в Штутгарте доктору Эугену Манну и /подчеркивания – Н.Е./ вспоминал: «Посетив в 1931 г. Штутгарт и задумав написать небольшое исследование об иконографии великой княгини Екатерины Павловны, я приступил к поискам необходимых данных. Моя задача не была до сих пор никем поставлена и обещала быть особенно интересной, так как художественный образ любимой сестры императора Александра I-го восполнялся замечательным ее историческим обликом. Но и последний, несмотря на значительность личности великой княгини, до наших дней остается в забвении».

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н.А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 1-14. В фонде представлен гектограф Устава РИО в Праге от 10 марта 1925 года, утвержденный Общим Собранием (Протокол № 1, п. 1) и дополненный в редакции от 11 июня 1926 года, коей датой отмечена также Инструкция Делопроизводства. Подлинник подписали /указаны в порядке следования фамилий – О.Ф./: Евгений Францевич Шмурло (1853-1934), Антоний Васильевич Флоровский (1884-1968), Александр Александрович Кизеветтер (1866-1933), Мстислав Вячеславович Шахматов (1888-1943), Николай Львович Окунев (1886-1949), Сергей Германович Пушкарев (1888-1984), И. Панас, Н. Алеников, Всеволод Васильевич Саханев (1885-1940), Евгений Филимонович Максимович (1896-1965), Евгений Васильевич Спекторский (1875-1951), Венедикт Александрович Мякотин (1867-1837), Владимир Андреевич Францев (1867-1942), Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973 /написание фамилии в оригинале «Вернадский» – О.Ф./), Петр Бернгардович Струве (1870-1944), Петр Александрович Остроухов (1895-1965), Иван Иванович Лапко (1869-1944), Георгий Васильевич Флоровский (1893-1979), Петр Николаевич Савицкий (1895-1968), Борис Алексеевич Евреинов (1888-1933), Дмитрий Николаевич Вергун (1871-1951), К. Зайцев.

Стоит отметить, что по-русски понятие «Общество», примененное для наименования чехословацкой организации русских историков в условиях «культуры зарубежья», соответствует [л. 4] только французскому аналогу («Societe»), избранному для канала зарубежных связей («Societe historique russe a Prague» /французское правописание исправила – О.Ф./). Чешское значение /перевод везде – О.Ф./ раз-

текст (содержание, формулировки) и юридическую казуистику которого Николай Артемьевич правил, готовясь доложить проделанную работу на ближайшем заседании. Раздел II Устава РИО 1925 года, в § 2 определяющий «Цель Союза и средства для ее достижения», в § 3 перечисляет его права, где заключительным /девятым/ звеном [л. 5 – пункт i)] достаточно неожиданно, с позиций современности, формулируется право: «организовывать публичные концерты, балы и театральные представления». Данный феномен, однако, вполне объясним именно с исторических позиций рассмотрения культуры, приводя к раскрытию усилий эмигрантов в деле поддержания устоявшихся традиций, в желании сохранить, развить или возобновить привычные устои прежнего – аристократического образа жизни.

Устав РИО 1936 г., в одном из сохранившихся рукописных вариантов¹⁹, декларирует программное целеполагание, целиком посвящая ему весь Раздел II, которая изложен здесь /перевод везде – О.Ф./ так: «2. Русское историческое общество имеет своею целью культивирование всех научных исторических дисциплин: истории политической и культурной, литературу, этнографию, право, вопросы социальные, географии, археологии, искусство изобразительное, музыку и т.д. Особенное внимание «Р.И.О.» посвящает России». При подготовке своего Отзыва²⁰, Н.А. Еленев подробно

нится в диапазоне: от [л. 4, строка 2] «Společnost» («Общество») до [л. 4, строка 6] «Spolek» («Союз, кружок, общество»), что демонстрирует в среде учредителей живой интерес и динамичный поиск, но также порождает и возможные разночтения важнейшего – юридического статуса организации. Раздел II Устава, в § 2 определяющий «Цель Союза и средства для ее достижения» и перечисляющий его права в § 3, трижды [л. 5] характеризует свою организацию исключительно как «Spolek», что понимается /подтверждено ниже – О.Ф./ и как кружок.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н.А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 15-22. Вышеуказанное терминологическое «разностилье» демонстрирует и Устав РИО в Праге от 10 июня 1936 года; так, на л. 15 – опять трижды «Spolek»; более того, § 1 парадоксально гласит: «Наименование Союза (кружка): «РИО». Для зарубежных контактов французское название организации было, видимо – во избежание недоразумений, вообще переименовано на «Комитет» («Comité Russe des Sciences Historiques»).

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н.А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 23-26. Явную терминологическую несоординированность Николай Артемьевич приводит к единому знаменателю [л. 23], предлагая, в частности (что принципиально: провиденциально и научно-корректно), заменить «посвящение» эмигрантских усилий «России», ставшей недоступной для непосредственного постижения, на вполне определенное изучение «русской истории» и наметить следующие направления ее исследования: «1) политическая организация, 2) географический мир, 3) этническая, 4) экономическая и т.д.» Именно машинописные листы дела № 15-22 уже содержат пометы рукою Николая Артемьевича; так же как и листы дела № 23-26, которые представляют собою часть рукописной копии начальных параграфов, переписанные женским (или даже старательным детским) почерком.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н.А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 27-28. Первый, краткий черновик Отзыва [л. 27] был набросан Николаем Артемьевичем на обороте рукописного /формата 157? 210 мм – аккуратно написан синими чернилами, но не «под копирку»! /Извещения РИО по поводу готовящегося обсуждения [л. 27 об.]: «М.Г. /Милостивый Государь – О.Ф./ Правление Русского Исторического Общества в Праге извещает Вас, что въ четверг 25-го числа с. июня въ помещеніи «Русскаго Очага» (Myslikova, 6) состоится продолжение Годового Общего Собрания членовъ О-ва. Порядокъ дня: 1) Обсуждение проекта новаго устава О-ва для регистраціи 2) Выборы членовъ Правленія и Ревизионной комиссиі О-ва. Начало собранія въ 6 час. вечера. Въ виду важности поставленныхъ на повестку дня вопросовъ (принятіе новаго устава), Правленіе О-ва проситъ Васъ, М.Г., обязательно прибыть на собраніе къ означенному часу. Проектъ новаго устава при семь прилагается для предварительнаго съ нимъ ознакомленія. 17 июня 1936 г. Правленіе». Второй, подробный черновик /формата 210? 340 мм – написан простым карандашом/, также сохранившийся в фонде, получил у Н.А. Еленева /подчеркивания – Н.Е./ знаменательный зачин: «К собранію 25-го VI – 1936. Ознакомившись в проекте Устава, предлагаемымъ Правленіем, считаю необходимымъ сказать открыто, что этот проектъ неудовлетворителен, составлен видимо наспех, имеет в себе пробелы и не отличается признаками юридически-строиного целого. 2) Как юрист, скажу, что не только формально, но и материально проект Устава является далеко несовершеннымъ созданием. 3) Он напоминает слабую механическую копию, которую я лично не могу принять за произведение, отвечающее природе нашего общества. 4) Уже в прошлый раз я говорил, что обстановка, в которой приходится нам жить, заставляет особенно серьезно отнестись к Уставу, так как Устав будет тем законом, который обусловит наше существование. 5) За примерами ходить далеко не приходится. <...> 6) Может ли мы противостоятъ подобнымъ инсинуациямъ? В порядке индивидуальномъ – /«нет» зачеркнуто – Н.Е./ едва ли. В порядке научнаго объединенія, представленнаго за границей, связаннаго с ней, (а существуютъ ведь страны, перед которыми чешское общественное мнѣніе весьма чувствительно) можемъ. Но какъ это сде-

уточняет, что «история политическая» и «история культурная», с позиций профессионала, как раз и составляют «научные исторические дисциплины»; упоминание же «литературы», очевидно, подразумевает «историю литературы»; соответственно: «право» – «история права», а «музыка» – «история музыки». Тем самым Николай Артемьевич с юридических позиций конкретизирует в рецензируемом Уставе²¹ и «музыкальный сектор» как научное направление для действующей организации²² отечественных историков пражской эмиграции.

Музыкальной составляющей творчества Н.А. Еленева выступают одномоментно и его литературная, и его историко-искусствоведческая деятельность: так, глубокий исследовательский поиск ученого на ниве моцартоведения обнаруживает составление им Списка научной литературы на немецком языке²³. Переломный момент из биографии гения освещает еленевский рассказ «Мнение возницы Коничека»²⁴, опубликованный в 1935 году в переводе на чешский и польский. В качестве знакового действующего лица своего повествования Николай Артемьевич безошибочно избирает культовую фигуру музыкальной Праги Нового времени – Вольфганга Амадея Моцарта.

Первый приезд (1787) композитора в Прагу, с помощью литературно-художественного допущения о сопровождении жены – Констанцы (не соответствовавшее действительности), позволил раскрыть мифологизированную личность Моцарта в редких – частных тонах. Последующее описание бесед кучера (носителя ремесленно-обобщенной – «говорящей» фамилии Коничек) и удивительного пассажира касается и обыденных, и вечных тем.

По прибытии из Вены в Прагу, стараясь позже припомнить имя необыкновенно задушевного пассажира (Моцарт), Коничек озвучивает то, что, очевидно, чаще находилось на слуху в чешских землях, производя фамилию другого человека, организовавшего знаменитое (именное) производство (Мозер: «королевский» фарфор и хрусталь – «кристалл» Чехии). Так аллитерация (Моцарт – Мозер) обернулась антитезой, но сомкнулась в непостижимо-волшебном таинстве алхимии творца (и музыканта, и стеклодува).

Мнение чешского возницы о Моцарте было однозначно: «блаженный» – не есть ли это лучшая характеристика гения? Николай Артемьевич заключает [л. 10]:

лать, если проект Устава ни словом не упоминает о том, что, кроме всего, нам нужна связь за границей. Я указываю только на один недостаток сейчас, в сущности их можно найти целый ряд. Думаю, что я буду не одинок в своей критике Устава».

²¹ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н.А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 28 об. «Пока что, остановлюсь только на главном – на целях О-ва [Л. 28-28 об.], подчеркивания – Н.Е./, формулируемых проектом Устава просто неуклюже. Прежде всего проект Устава не определяет природы О-ва. Что такое О-во, (с точки зрения юриста) остается неизвестным. Термин – “О-во” ничего юридически не говорит. Вместе с тем нам необходимо указать, что мы имеем в виду О-во, как юридическое лицо, имеющее все вытекающие отсюда права, [которы]е предусматриваются законами страны. /“Сюда входят” зачеркнуто – Н.Е./ Каковы они, не буду задерживаться, но их значительность и отличает как раз общество, как юридическое лицо, от общества, как некий случайный кружок. Из природы нашего общества вытекают преследуемые им цели. <...> Главный параграф уже показывает, что он [сформулирован] прежде всего неграмотно по-чешски».

²² РГАЛИ. Ф. 2275 (Н.А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 28 об. «Кроме того – теоретически уже установлено [Л. 28 об.], подчеркивания и сокращения – Н.Е./, что юридич. формулировка хороша только тогда, когда она, не прибегая к конкретностям, создает общие рамки, устанавливает общие положения, в которые уместаются эти конкретности. Не нужно перечислять дисциплины исторические, а нужно говорить об исторической науке в ее целом. Но этим цели О-ва не исчерпываются, хотя /“Устав” перечеркнуто – Н.Е./ проект о них молчит. Я думаю, что цели О-ва распадаются на следующие категории: 1) цели научные, ибо общество есть научное учреждение, т[аким] об[разом], о-во разрабатывает вопросы историч. науки /“в тех областях” зачеркнуто – Н.Е./ 2) вторая категория – /“защита науки” вычеркнуто – Н.Е./ цели исторические – а) О-во представляет рус. историч. науку в Чехии и за границей, /“разраб[атывает] и т[еорию]...” вписано – Н.Е./, охраняет ее от “блефа” и всяческих открытий и тенденций политического характера и б) момент профессиональный – общество объединяет рус. историков, защищая их <...> /“авторское право хотя бы, суду, касса взаим[опомощи]” приписано – Н.Е./».

²³ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н.А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 1 и 1 об.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2275 (Н.А. Еленев). Оп. 1. Ед. хр. 7. 11 л.

«Оно было искренне и честно. С ним, однако, разошлась история и потомство». Но именно «звуковая канва» творчества Н.А. Еленева зримо воссоединила собою литературно-художественные и научно-искусствоведческие стороны профессиональной деятельности историка.

THE MUSICAL TREASURES OF CLOSED ARCHIVES: N.A. ELENEV – SOME HISTORICAL ALLUSIONS

O. I. FILATOVA

*Tula State Pedagogical
University n.a. L.N. Tolstoy*

This publication is devoted to the acute historical problem of documentary reconstruction of «abroad's culture». Some archival documents about the scientific activities of «Russian emigration» are now accessible. It is paradoxical situation, but the fact: there are also musical treasures from the closed (therefore – unknown) parts of the 'special storage' (spetskhran). N.A. Elenev (1894-1967) was one of the representatives of culture of "Russian abroad" in Czechoslovakia. This article investigates: his textual criticism apropos of Statutes (1936) of the Russian Historical Society in Prague; his other research, historical-artistic and literary works; his story (1935) on the theme of the significant adventure in music history – W.A. Mozart's visit to Prague (1787).

Key words: Czech history, musical Prague, «abroad's culture», Russian Historical Society in Czechoslovakia, N.A. Elenev's story about W.A. Mozart.